

УДК 81'42; 81'37

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/14

ОТРАЖЕНИЕ ДИСКУРСИВНО СТАБИЛИЗИРОВАННЫХ СМЫСЛОВ СОВЕТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СЛОВАРЯХ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ*

И.В. Тубалова¹, П.А. Молчанова², М.А. Наземцева³

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: tina09@inbox.ru

²E-mail: poph.sun@gmail.com

³E-mail: mnazemtseva@gmail.com

Авторское резюме

В сопоставительном аспекте рассматриваются принципы отражения модусов советского политического дискурса в нормативных толковых словарях русского, украинского и белорусского языков. К исследованию привлекаются словари советского и постсоветского времени. Анализу подвергаются словарные статьи, представляющие лексические единицы, значение которых было модусно ориентировано в соответствии с идеологической позицией русского советского политического дискурса. Учитывая вектор распространения советских политических идей, в качестве исходного принят список лексических единиц, политически обусловленная стабилизация модусного смысла которых нашла отражение в словарях русского языка советского и постсоветского времени. Далее в словарях других славянских языков советского и постсоветского периодов были выявлены словарные статьи, отражающие значение эквивалентных лексем и их производных с различной степенью эквивалентности (при наличии). Их содержание было проанализировано с учетом специфики официальной политической позиции государства по отношению к советскому политическому режиму. Предположение о том, что политическая позиция государства по отношению к советскому политическому строю отражается в нормативных толковых

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ (грант № 16-18-02043).

словарях славянских языков, подтвердилось только частично. Словари славянских языков республик бывшего СССР, изданные в советское время, действительно очень активно ориентированы на отражение модусов советского политического дискурса, что объясняется как единством политической позиции этих республик, так и спецификой лексикографической традиции. При этом современное изменение политической позиции и государственного статуса не привело к таким кардинальным изменениям принципов отражения советского политического модуса в исследованном словаре украинского языка, каких можно было ожидать. Во многих случаях в современных словарях русского языка дистанцированное представление исследуемого смысла проявлено даже более активно.

Ключевые слова: нормативный толковый словарь, советский политический дискурс, русский, украинский, белорусский языки.

DISCURSIVELY STABILISED MEANINGS OF SOVIET POLITICAL DISCOURSE IN RUSSIAN, UKRAINIAN AND BELARUSIAN DICTIONARIES*

I.V. Tubalova¹, P.A. Molchanova², M.A. Nazemtseva³

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: tina09@inbox.ru

²E-mail: poph.sun@gmail.com

³E-mail: mnazemtseva@gmail.com

Abstract

The paper discusses the reflection of modes of Soviet political discourse in Soviet and post-Soviet Russian, Ukrainian, and Belarussian standard explanatory dictionaries. The authors analyse the dictionary entries representing vocabulary units that have the meanings with modal orientation to the ideological position of the Soviet political discourse. Considering the vector of the Soviet political ideas, the authors used a source list of lexical units with politically conditioned stabilised modal meaning fixed in Russian dictionaries of Soviet and post-Soviet periods. The Soviet and post-Soviet dictionaries of other Slavic languages contain dictionary entries reflecting the meaning of equivalent lexemes and their derivatives with different degree of equivalence (if any). Their content was analyzed considering the specificity of official position of

*The research is supported by the Russian Science Foundation Grant Nr. 16-18-02043.

the government in relation to the Soviet political regime. The hypothesis that the political position of a government in relation to the Soviet political regime is reflected in standard explanatory Slavic languages dictionaries has been partially proved. The Slavic language dictionaries of the former USSR republics published in the Soviet times are focused on the reflection of Soviet political discourse modality due to both political unity of the republics and the specificity of lexicographical tradition. The modern change in political attitudes and state status did not result in such far-reaching changes in principles of reflection of Soviet political modality in the Ukrainian Dictionary, as it might have been expected. In the most contemporary Russian language dictionaries the distance representation of the meaning under study is even more active.

Keywords: standard explanatory dictionary, Soviet political discourse, Russian, Ukrainian and Belarusian languages.

В основе данного исследования лежит идея дискурсивно обусловленной стабилизации речевых единиц, отражающей результаты действия институциональных интенций в их системно-дискурсивном содержании, – «закрепления за речевой формой некоторого константного содержания, заданного социально-речевой сферой, воспринимаемой представителями данного социума как сфера ее порождения» (Тубалова 2016: 47).

Данная идея формируется на основании методологической позиции критического дискурс-анализа (Р. Водак, Т. ван Дейк и др.), при формировании которой ведущую роль играет анализ результатов влияния на язык идеологических оснований политического дискурса.

Любой дискурс, в том числе и политический, реализует в продуцируемых им текстах интенционально обусловленную ценностную позицию по отношению к передаваемой в них информации, которую можно определить как дискурсивный модус (Тубалова 2016: 52). Общий дискурсивный модус политического дискурса – это модус идеологически ориентированной эмоциональной оценочности (Тубалова 2016: 179).

Ценностное содержание и специфика протекания рассматриваемого дискурса определяются его политико-идеологической ориентацией, а манипулятивно обусловленная установка обеспечивает проявленность этого содержания в речевой форме, специфику ее реализации. Это приводит к тому, что текст политического дискурса оказывается специфическим для каждого конкретного политического режима: «...любой политический режим располагает своим собственным письмом, <...> в силу своей утонченной двусмысленности письмо представляет всякую власть, и как то, что она есть, и как то, чем она кажется; оно раскрывает и то, какой эта власть является на

самом деле, и то, какой она хотела бы выглядеть, – вот почему история различных видов письма могла бы стать одной из лучших форм социальной феноменологии» (Барт 2000: 63). Большинство продуцируемых дискурсом речевых единиц в процессе их стабилизации становятся не только знаками коммуникативной сферы политики как института, но и знаками дискурсивной сферы конкретного политического режима. На обусловленность речевой формы и ее реализации спецификой политического режима обращает внимание целый ряд исследователей (Р. Барт, К.А. Богданов, Г. Лассвелл, А.П. Романенко, П. Серио, Г.Г. Хазагеров и др.). В результате такой обусловленности все отображаемые в тексте политического дискурса реалии оцениваются по шкале «хорошо / плохо» с позиции конкретного политического режима, а фиксирующие их единицы становятся носителями такой оценочности.

Особо выраженный характер политико-идеологической обусловленности дискурсивного стиля обнаруживается в дискурсах тоталитарных политических систем: «письмо в данном случае выступает в роли спокойной совести, и его задача состоит в том, чтобы самым жульническим образом смешать первопричины явления с его отдаленнейшими последствиями, оправдывая любое действие самим фактом его существования» (Барт 2000: 63).

Одним из таких дискурсов, как отмечается в целом ряде исследований (Богданов 2009; Кронгауз 1994; Купина 1995; Романенко 2003; Серио 1999; Тубалова 2014, 2016 и др.), является советский политический дискурс.

Один из аспектов влияния советской политической идеологии на язык проявляется в нормативном закреплении политически обусловленных смыслов (советских политических модусов) в содержании лексических единиц, что является продуктом их дискурсивно обусловленной стабилизации. Так, позитивно-оценочный модус с позиции советского политического дискурса получают единицы *горком, замполит, коллективизация, комиссар, комсомолец, красный (сущ.), Красная армия, красноармеец, крестьянин, пятилетка, рабочий, советская власть, стахановец, товарищ* и др., негативно-оценочный – *белогвардеец, белый (сущ.), буржуй (=буржуа), враг народа, вредительство, единоличник, империализм, контрреволюция, кулак, кулачество, царизм, экспроприатор* и др. Еще большую конкретизацию этот модус может получать в аспектах внутренней организации оценочных смыслов (например, БЕЛЫЕ (сущ.) – «плохо», КРАСНЫЕ (сущ.) – «хорошо», БОГАЧ – «плохо», БЕДНЯК – «хорошо» и т.п.), их обоснования (РАБОЧИЕ и КРЕСТЬЯНЕ – «хорошо, потому что работают», ПОМЕЩИКИ и КАПИТАЛИСТЫ – «плохо, потому что эксплуатируют чужой труд») и т.д.

Результаты такой стабилизации отражаются в толковых словарях – в составе словника, содержании словарной дефиниции, системе помет, а также в специфике подбора иллюстративного материала. Процесс дискурсивно обусловленной стабилизации содержания лексической единицы заключается в закреплении за ней идеологически заданного оценочного модуса, ориентирующего их денотативное содержание на основании советской политической позиции.

Отражение в толковых словарях **русского языка** результатов влияния советской дискурсивной идеологии уже становилось предметом внимания исследователей (Купина 1995; Трипольская, Булыгина 2015; Тубалова 2016; Шипицына, Геращенко 2010). Впервые в данном аспекте материал словаря проанализирован в монографии Н.А. Купиной (Купина 1995). Т.А. Трипольская и Е.Ю. Булыгина рассматривают проблему реализации политического содержания в словарной статье, в том числе его намеренно скрытые формы экспликации: систему комментирующих помет и иллюстративный материал (Трипольская, Булыгина 2015).

Результаты влияния советской идеологии на содержание лексических единиц различным образом фиксируются в толковых словарях русского языка советского и постсоветского времени (Тубалова 2016).

Нам показалось интересным выявить, каким образом фиксируются модусные смыслы советского политического дискурса в словарях других славянских языков советского и постсоветского времени: как они отражаются в толковых словарях славянских языков республик бывшего СССР, сохраняются ли соответствующие результаты влияния советской политической идеологии в современных толковых словарях языков, функционирующих как государственные в постсоветском политическом пространстве?

Цель данной статьи – сопоставить принципы отражения модусов советского политического дискурса в словарях русского, украинского и белорусского языков советского и постсоветского времени.

К анализу привлечены толковые словари славянских языков бывшего СССР советского и постсоветского времени: русского языка – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т., Русский семантический словарь, Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т., Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения; украинского языка – Словник української мови: в 11 т.; Великий тлумачний словник сучасної української мови; белорусского языка – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т.

В соответствии с вектором распространения советских политических идей в качестве исходного был принят список лексических единиц, политически обусловленная стабилизация модусного смысла

которых нашла отражение в словарях русского языка советского и постсоветского времени – всего 128 единиц. К анализу привлечены лексические единицы двух типов:

1. Созданные в рамках русского советского политического дискурса для номинирования особых понятий, вошедших в употребление в рамках коммунистической идеологии (*белогвардеец, белый* (сущ.), *горком, замполит, коллективизация, комиссар, комсомолец, красный* (сущ.), *кулак, кулачество, Красная Армия, красноармеец, продотряд, продразверстка, пятилетка, советская власть, стахановец* и др.). Они демонстрируют прямую референтную отнесенность к политическим реалиям советской эпохи.

2. Трансформированные в рамках советского политического дискурса в целях их идеологизации (*буржуй (=буржуа), враг народа, вредительство, единоличник, империализм, контрреволюция, крестьянин, рабочий, товарищ, царизм, экспроприатор, электрификация* и т. п.). В рамках исследуемого дискурса семантика данных единиц демонстрирует специфику дискурсивной конфигурации общекультурных концептов и отражает специфику дискурсивной картины мира.

Далее в словарях других славянских языков советского и постсоветского периодов были выявлены словарные статьи, отражающие значение эквивалентных лексем и их производных с различной степенью эквивалентности (при наличии). В основном это заимствования и семантические кальки из русского языка, обладающие политической прецедентностью по отношению к русскому политическому дискурсу как дискурсу, в определенный период сыгравшему роль политического «старшего брата». Их содержание было проанализировано с учетом специфики официальной политической позиции государства по отношению к советскому политическому режиму, которая, как мы **предполагали**, отражается в нормативных словарях славянских языков в силу особого доступа власти к формированию политического дискурса (Дейк ван 2013).

Сопоставительный анализ проведен по следующим параметрам: а) наличие / отсутствие в составе словника исследуемых словарей славянских языков лексической единицы, идеологическая ориентированность которой зафиксирована в словарях русского языка советского времени, или ее семантического эквивалента; б) наличие / отсутствие результатов отражения исследуемого модусного смысла в словарных статьях рассматриваемых словарей; в) совпадение / несовпадение принципов его фиксации с принципами его фиксации в словарях русского языка.

Векторы сравнительного анализа результатов отражения в словарях результатов дискурсивной стабилизации лексических единиц

соответствовали онтологии распространения политических идей: 1) словари русского языка советского времени → словари украинского и белорусского языков советского времени; 2) советские и постсоветские словари русского языка → советские и постсоветские словари славянских языков республик бывшего СССР.

Рассмотрим специфику отражения советского идеологически ориентированного оценочного модуса в статьях словарей каждой группы, сопоставив их с принципами фиксации этого модуса в толковых словарях русского языка соответствующего периода.

Словари украинского и белорусского языков советского периода, как отмечают создатели теоретической лексикографии украинского и белорусского языков, во многом ориентированы на русскую лексикографическую традицию, в том числе и по политическим причинам. Так, В.К. Щербин обращает внимание на то, что «собственно белорусская лексикографическая традиция формировалась на базе общей восточнославянской лексикографической традиции и в условиях сильного влияния на словарную практику Белоруссии развитой русской лексикографической традиции» (Щербин 2013: 48), в частности, «чаще других в качестве лучших словарных образцов при создании белорусских словарей 1950–1980-х гг. использовались толковые и переводные словари русского языка» (Щербин 2013: 54). Аналогичные особенности отмечают теоретиками лексикографии украинского языка. Так, В.В. Дубчинский отмечает, что до 1950-х гг. к создателям словарей украинского языка были обращены жесткие официальные постановления «не вносить искусственного размежевания украинского языка и русского» (Дубчинский 2013: 256). После 50-х гг. XX в. эти требования смягчились, но не утратились полностью.

Уже в рамках указанных тенденций сходство принципов представления модусов советского политического дискурса в толковых словарях русского, украинского и белорусского языков советского времени представляется органичным. Естественность данного сходства определяется, кроме того, функционированием этих языков в едином государственном политическом контексте, а также особым статусом русского языка как языка нации, игравшей ведущую роль в продуцировании советской политической идеологии и, соответственно, русского политического дискурса как источника стабилизации советских политически ориентированных модусов в лексических единицах русского языка.

Анализ толковых словарей русского, украинского и белорусского языков советского времени показал, что, во-первых, все выявленные в словарях русского языка политически ориентированные лексические единицы фиксируются и в словарях украинского и

белорусского языков соответствующего периода, а во-вторых, в подавляющем большинстве случаев они отражают единые модусные смыслы советского политического дискурса. При этом, несмотря на ориентацию лексикографической традиции составления толковых словарей украинского и белорусского языков на соответствующую традицию составления словарей русского языка, характерную для рассматриваемого периода, а также на единство политически заданной дискурсивной обусловленности и единство государственного политического пространства, способы их представления в словарных дефинициях не всегда совпадают.

По степени соответствия рассматриваемых модусных смыслов можно выделить четыре типа их эквивалентности в словарях русского, украинского и белорусского языков советского времени.

1. Полное совпадение модусного содержания, отраженного в словарных статьях, достигаемое – наиболее частотно – (1.1) за счет совпадения (полного или почти полного) формулировок словарных дефиниций («копирования»), включая их фрагменты, отражающие политическую ангажированность. Приведем типичные примеры: АПОЛИТИЧНИЙ – рус. *Безразличный к вопросам политики, уклоняющийся от участия в общественно-политической жизни* (БАС 1: 165); укр. *Який стоїть осторонь або ухильється від участі в суспільно-політичному житті* (СУМ 1: 55); белор. *Які стаіць убаку ад грамадска-палітычнага жыцця або ўхіляецца ад ўдзелу ў ім* (ТСБМ 1); КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ – рус. *Объединение мелких крестьянских хозяйств в крупные социалистические хозяйства – колхозы* (БАС 5: 1168); укр. *Об'єднання одноосібних селянських господарств у великі соціалістичні господарства – колгоспи* (СУМ 4: 217); белор. *Аб'яднанне дробных сялянскіх гаспадарак у буйныя сацыялістычныя гаспадаркі – калгасы* (ТСБМ 2); ПРОЛЕТКУЛЬТ – рус. *Культурно-просветительная организация 1917–1932 гг., проводившая ложные идеи создания пролетарской культуры «лабораторным» путем* (БАС 11: 1184); укр. *Скорочення: пролетарська культура (культурно-освітні організації 1917–1932 рр., які, маючи своїм завданням організувати рух мас за оволодіння новою, пролетарською культурою, проповідували хибні ідеї створення такої культури «лабораторним» шляхом)* (СУМ 7: 215); белор. *Літаратурна-мастацкая і культурна-асветная арганізацыя 1917–1932 гг., якая праводзіла заганныя ідэі ўтварэння пралетарскай культуры «лабараторным» шляхам* (ТСБМ 4); (1.2) значительно реже – за счет иной формулировки, отражающей ту же политическую оценку, что и в словаре русского языка: АНАРХИЗМ – рус. *Мелкобуржуазное политическое течение, отрицающее необходимость государственной власти и организованной политической борьбы пролетариата с буржуазией*

(БАС 1: 130); укр. *Ворожа марксизмові дрібнобуржуазна політична течія, яка заперечує будь-яку державну владу, організовану політичну боротьбу і виступає проти революційної диктатури пролетаріату* (СУМ 1: 54); белор. *Дробнабуржуазная рэакцыйная палітычная плынь, якая адмаўляе неабходнасць дзяржаўнай улады, ролю партыі рабочага класа і выступае супраць арганізаванай палітычнай барацьбы за дыктатуру пралетарыяту* (ТСБМ 1); БУРЖУАЗИЯ – рус. *В капиталистическом обществе – господствующий класс, владеющий средствами производства и живущий доходами от эксплуатации наемного труда* (БАС 1: 696); белор. *Пануючы клас капіталістычнага грамадства, які з’яўляецца ўласнікам прылад і сродкаў вытворчасці і жыве капіталістычным даходам, атрымліваючы прыбавачную вартасць эксплуатацыяй наёмнай працы* (ТСБМ 1). Отметим, что даже при общем различии формулировок ключевые слова, передающие политически ангажированный смысл, совпадают.

Кроме того, модусы советского политического дискурса в абсолютном большинстве случаев равнозначно проявляются (1.3) в иллюстративном материале словарных статей исследуемых словарей. Как и в словарях русского языка рассматриваемого периода, в словарях украинского и белорусского языков используются в иллюстративной функции материалы произведений классиков марксизма-ленинизма как вербального источника фиксации общих политических идей (укр. АГІТАЦІЯ *В нерозривному зв’язку з пропагандою стоїть агітація серед робітників* (Ленін, 2, 1948, 293); АГРАРІЙ *Дрібний землероб, за своїм класовим становищем, стає неминуче, в міру розвитку товарного виробництва, дрібним аграрієм* (Ленін, 22, 1950, 80)) (СУМ 1: 16), но значительно реже, чем в словарях русского языка. При наличии в трудах классиков марксизма-ленинизма широко растиражированных в советском политическом дискурсе текстовых фрагментов, обнаруживающих содержание лексикографических единиц, они могут идентично использоваться в статьях как словарей русского языка, так и словарей других рассматриваемых языков (рус. КУЛАК / укр. КУРКУЛЬ: *Кулак – тот, который живет чужим трудом, который грабит чужой труд и использует для себя нужду <...> Ленин, т. 29, с. 240* (БАС 5: 1808) / *Куркуль – той, що живе чужою працею, що грабує чужу працю і використовує для себе нужду* (Ленін, 29, 1951, 232) (СУМ 4: 411)).

Что касается иллюстративного материала из художественных текстов, словари украинского и белорусского языка ориентированы на использование аутентичной литературы. При этом модусы советского политического дискурса в материалах такого типа также соответствуют отражаемым в иллюстративном материале словарей

русского языка. Это касается как случаев, когда иллюстративный материал усиливает модусный смысл, уже выраженный в словарных дефинициях (рус. КУЛАК *Благодаря колхозам у нас не стало бедноты, нет больше кулаков, эксплуатирующих бедноту. Никто не может теперь скупить землю у бедноты. Никто не может заставить на себя работать другого.* Калинин, *Все для войны, все для победы*, с. 70 (БАС 5: 1811); укр. КУРКУЛЬ *Його батько, Максим Сергійович, був за нове життя, виступав проти куркулів. Куркулі ж ховали від держави хліб, гноїли його в ямах* (Збан., Т. Шашло, 1949, 21) (СУМ 4: 411); белор. КУЛАК *Гаспадар – кулак багаты, – Як заўсёды стаў круціць, Толькі б меней заплаціць.* А. Александровіч (ТСБМ 2)), так и случаев, когда он становится единственной формой его представления (ЦАРИЗМ рус. *Государственный строй во главе с царем; царский режим. Чему вы удивляетесь? Вот такие-то люди и оказываются чаще всего за решеткой. Царизм жестоко расправляется со всеми, кто борется за лучшую долю народа.* Г. Марков, *Строговы*, I, 7 (БАС 17: 542); укр. *Державний лад на чолі з царем; царський режим. Царизм всіма силами домагався утвердити розхитаний авторитет своєї влади – в'язниці, страти і шибениці були єдиними аргументами проти визвольного руху має* (З глибин душі, 1959, 59) (СУМ 11: 181); белор. *Дзяржаўны лад, пры якім вярхоўная неабмежаваная ўлада належыць цару; царскі рэжым. Таксама, як і ўкраінскі народ, стагнаў наш народ пад ярмом польскіх паноў і царызму.* Купала (ТСБМ 5)).

2. Изменение **степени значимости** политически оценочного смысла в словарях украинского и белорусского языков (в сравнении со словарем русского языка), определяемой степенью самостоятельности реализующего его лексического значения, а также степенью его политической актуальности. Отметим, что значительно чаще указанное изменение реализуется в словаре украинского языка, что, вероятно, соответствует отмеченному исследователями более высокому уровню самобытности украинской лексикографической традиции по отношению к русской (в сравнении с зависимой от нее белорусской).

Изменение уровня самостоятельности политически заданного смысла в словарных статьях реализуется через систему помет, отсутствующих в словарях русского языка. Наиболее частотно политически ангажированные дефиниции получают в рассматриваемых словарях помету «переносное», что снижает уровень самостоятельности представляемого значения: БЕЛЫЙ – укр. *перен., політ. Ворожий радянській владі; контрреволюційний; протилежне червоний* (СУМ 1: 181); ДИВЕРСИЯ – укр. *перен. Підривна робота в галузі ідеології* (СУМ 2: 270). В словарях русского и белорусского языков близкие по формулировке дефиниции лексической единицы БЕЛЫЙ и принципиально

по-разному представленные (см. далее) дефиниции лексемы ДИВЕРСИЯ приводятся без указанной пометы. Значительно реже степень значимости меняется за счет других помет. Так, дефиниция лексемы ОДНООСІБНИК в словаре украинского языка сопровождается пометой «историческое», что указывает на темпоральную локализацию его смысла, дистанцированную от времени создания словаря (выход соответствующего тома – 1980 г.). Политическая актуальность его значения снижается. В словарях русского и белорусского языков дефиниции лексем ЕДИНОЛИЧНИК / АДНААСОБНИК указанной пометой не сопровождаются.

3. Смягчение активности проявления политической оценки на уровне формы ее представления. Рассматриваемое различие реализуется тремя способами.

3.1. Сокращение текста словарной дефиниции за счет фрагментов, эксплицирующих политическую ангажированность, в первую очередь в ценностном аспекте. При таком сокращении политически заданный смысл может быть сохранен, но прописан менее подробно, с меньшей определенностью, при снижении уровня эмоциональности политической оценки: рус. БАСМА'ЧЕСТВО – *Контрреволюционное националистическое движение в Средней Азии, проявлявшееся в форме открытого политического бандитизма против Советской власти в 1917–1926 гг.* (БАС 1: 291); укр. БАСМА'ЦТВО – *Контрреволюційний націоналістичний рух в Середній Азії під час громадянської війни* (СУМ 1: 109). В другом случае исследуемый модусный смысл может быть представлен только косвенно: рус. КОЛЛЕКТИВИЗИРОВАТЬ – *Объединять в колхозы, обобществлять на социалистических началах* (БАС 5: 1164); укр. КОЛЕКТИВІЗУВА́ТИ – *Проводити, здійснювати колективізацію* (СУМ 4: 217). В дефиниции словаря украинского языка, в отличие от соответствующей дефиниции словаря русского языка, политически заданный смысл эксплицируется только на основании отсылки к содержанию используемой лексемы «коллективизация» (*Об'єднання одноосібних селянських господарств у великі соціалістичні господарства – колгоспи* (СУМ 4: 217)).

3.2. Изменение формулировки дефиниции, также приводящее к смягчению активности проявления политической оценки. Типичный пример: АГИТА'ЦИЯ – рус. *Устная и печатная деятельность, имеющая целью политическое воздействие на широкие народные массы* (БАС 1: 43); укр. *Громадська й політична діяльність, робота серед трудящих, спрямована на роз'яснення політики якої-небудь партії чи організації* (СУМ 1: 16). Если в дефиниции словаря русского языка используется номинация «воздействие» как отсылающая к более активной форме политического влияния, то в словаре украинского языка – номинация

«разъяснение», отсылающая к более мягкой его форме; рус. КУЛАК *Багатый крестьянин-собственник, эксплуатирующий батраков* (БАС 5: 1808); укр. КУРКУЛЬ *Багатий селянин-власник, на якого працюють наймити і незаможники* (СУМ 4: 411). В дефиниции словаря украинского языка отсутствует лексема «эксплуатирующий», которая в дефиниции словаря русского языка реализует политически оценочный смысл.

Отметим, что в словаре белорусского языка дефиниции соответствующих единиц гораздо более частотны, чем в словаре украинского языка, совпадают с дефинициями словарей русского языка и, соответственно, более последовательно сохраняют политически заданный смысл в полном объеме, ср.: белор. АГИТАЦІЯ *Вусная або праз друк дзейнасць, якая мае сваёй мэтай палітычнае ўздзеянне на свядомасць і настрой мас, распаўсюджванне сярод іх пэўных ідэй і лозунгаў* (ТСБМ 1); КУЛАК *Багаты селянін-уласнік, які эксплуатаваў беднякоў; вясковы буржуа* (ТСБМ 1).

3.3. Активность отражения оценочного модуса может снижаться за счет локализации способа его выражения в иллюстративном материале – в сравнении с формулировкой непосредственно словарной дефиниции. Так, в словаре русского языка идиоматическое выражение АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ отдельно описывается в словарной статье лексемы АПРЕЛЬ: *тезисы доклада В.И. Ленина, прочитанные им 4 апреля 1917 г. на собрании большевиков, делегатов Всероссийского совещания Советов, являющиеся исчерпывающей программой действия пролетарской партии в переходный период от буржуазно-демократической революции к социалистической* (БАС 1: 171). В словаре украинского языка отдельное описание данного выражения не представлено, но его модусный смысл отражается в иллюстративном материале статьи ТЕЗА: *В Квітневих тезах Ленін вперше в історії зробив прямий висновок про Ради як про державну форму диктатури пролетаріату (Радянська Україна, 17.IV 1957, 1)* (СУМ 10: 56).

4. В отдельных случаях политически заданный смысл, отраженный в дефинициях и в иллюстрациях словарных статей словаря русского языка, в дефинициях словарей украинского и белорусского языков полностью утрачивается. Идеологически обусловленное сужение значения не фиксируется ни в словарных дефинициях, ни в иллюстративном материале: рус. ВРЕДИТЕЛЬСТВО *Контрреволюционная, вредительская деятельность. Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма. Сталин, О правом уклоне в ВКП(б) (XII, 14)* (БАС 2: 800); укр. ШКІДНИЦТВО *Злочинна, шкідлива діяльність – Якби Слинько не довів, що тут шкідництво, я певний, – у всьому в*

обвинували б Каргата (Шовк., Інженери, 1956, 391); Чутка про нічне шкідництво вже облетіла всю бригаду (Десняк, Десну., 1949, 275) (СУМ 11: 474); белор. ШКОДНІЦТВА Злачынная, шкодніцкая дзейнасць. А час быў трывожны. Амаль у кожным нумары газет наведамлялася пра шкодніцтва, пра раскрыццё чорных шпійёнскіх гнёздаў. Сабаленка (ТСБМ 5). В словаре русского языка ВРЕДИТЕЛЬСТВО трактуется как особый тип антисоциальной деятельности – «контрреволюционный», т. е. политически значимый. В словарях украинского и белорусского языков эквивалентная единица ШКІДНІЦТВО / ШКОДНІЦТВА также трактуется как обозначающая вид антисоциальной деятельности, но не аспектируемая как политически значимой, реализуя более широкое лексическое значение.

Таким образом, словари украинского и белорусского языков советского времени в целом отражают единство институционально заданного дискурсивного влияния в аспекте выражения советской политической идеологии в рамках единого государственного пространства. При этом словари белорусского языка – вероятно, в силу специфики лексикографической традиции – демонстрируют в отражении исследуемых модусов более выраженную, чем словари украинского языка, ориентацию на словари русского языка.

Специфику динамических изменений принципов отражения модусов советского политического дискурса в словарях славянских языков бывшего СССР, обусловленную изменением их государственного статуса и политической позиции, рассмотрим на примере современного словаря украинского языка (ВТССУМ 2005).

Словник этого словаря сохраняет все привлеченные к анализу лексемы, зафиксированные в словаре украинского языка советского времени, что отличает динамику его формирования от соответствующей динамики в словарях русского языка, утрачивающих целый ряд единиц, отражающих в советских словарях политическую ориентированность: БЕЛОГВАРДЕЙЩИНА, БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ, ПРОЛЕТКУЛЬТ и др. Безусловно, такое сравнение приобретает релевантность только с учетом объема словников сопоставляемых словарей, но исследуемый современный словарь украинского языка содержит 250 000 единиц, а, например, Русский семантический словарь под общей ред. Н.Ю. Шведовой – около 300 000 лексических единиц, т. е. при меньшем объеме в современном словаре украинского языка единицы, не включенные в словник словаря русского языка, сохраняются. Политическую ориентированность лексической нормы, сформированной на разных этапах развития государства, составители словаря украинского языка представляют с большей подробностью.

Динамика изменения словарной дефиниции в аспекте отражения советских политических модусов также отличается от соответствующей динамики в словарях русского языка. В современных словарях русского языка переориентация политической оценки в большинстве случаев выражается в различных формах локализации «советского» политического модусного смысла, его объективировании (наиболее частотно – через включение в дефиницию функционально приближенного к помете компонента: АКТИВ-¹ **В советск. время:** *наиболее деятельная, передовая часть какой-л. общественной организации, коллектива* (ТСЯИ 1998: 43); КОМСОМОЛ *Коммунистический союз молодежи – общественная организация молодежи в СССР (1918–1991 гг.)* (РСС 2)), в большинстве сопровождаемой трансформацией дефиниции на основании косвенной переориентации идеологической позиции (БЕЛОГВАРДЕЕЦ **В годы гражданской войны:** *член Белой гвардии – русских военных формирований, сражавшихся за восстановление законной власти в России* (РСС 2)). В современном словаре украинского языка наиболее частотным способом выражения трансформации «советского» политического модуса является сокращение словарной дефиниции (реже – словарной статьи в целом) через устранение фрагментов, отражающих рассматриваемый смысл.

Рассмотрим в заявленном аспекте типы эквивалентности словарных статей, описывающих исследуемые единицы в словарях украинского языка советского времени и современном.

1. Совпадение дефиниций, фиксирующих советскую политическую ангажированность лексических единиц, в словарях украинского языка советского времени и современных. Интересно, что в отдельных случаях дефиниции современного словаря украинского языка полностью копируют дефиницию словаря советского времени, несмотря на отраженный в них политически ориентированный смысловой компонент, причем такое совпадение обнаруживается в описании единиц, не только созданных в рамках советского политического дискурса для фиксации продуцируемого им диктумного содержания, но и ориентированных им в соответствии с идеологической позицией. Так, для фиксации политически значимого диктума создана единица АГІТПУНКТ, идентично – без каких-либо помет – представленная в рассматриваемых словарях: *Осередок масово-політичної роботи серед населення, а також спеціально обладнане приміщення для такої роботи* (СУМ 1: 16; ВТССУМ 2005: 9). Для сравнения: в современном словаре русского языка данная единица описана с указанием на политико-темпоральную локализацию ее значения: АГИТПУНКТ **В советск. время:** *учреждение, ведущее массовую политико-просветительскую работу среди населения* (ТСЯИ 1998: 39). Описание адап-

тированного к условиям дискурса значения единицы РЕВОЛЮЦІЯ в рассматриваемых словарях также совпадает: *Докорінний переворот у житті суспільства, який приводить до ліквідації віджил ого суспільного ладу і утвердження нового, прогресивного* (СУМ 7: 475; ВТССУМ 2005: 1206). В современном словаре русского языка представлено независимое от советского политического дискурса ее значение: РЕВОЛЮЦІЯ *Коренное насильственное изменение в жизни общества, приводящее к ликвидации предшествующего общественного и политического строя и установлению новой власти* (РСС 3).

2. Утрата советского политического модуса через устранение компонентов словарной дефиниции, организуемых ключевыми словами советского политического дискурса, – наиболее частотный вид эквивалентности. В свою очередь, такая трансформация осуществляется двумя способами.

2.1. Редукция рассматриваемого компонента словарной статьи: БАСМА́ЦТВО *Контрреволюційний націоналістичний рух в Середній Азії під час громадянської війни* (СУМ 1: 109) – *іст. Націоналістичний рух у Середній Азії під час і після громадянської війни* (ВТССУМ 2005: 63); КОЛЕКТИВІЗА́ЦІЯ *Об'єднання одноосібних селянських господарств у великі соціалістичні господарства – колгоспи* (СУМ 4: 217) – *іст. Об'єднання одноосібних селянських господарств у великі господарства – колгоспи* (ВТССУМ 2005: 553); КОМУНІ́ЗМ *Вища суспільно-економічна формація, що приходить на зміну капіталізові й ґрунтується на усуспільненні засобів виробництва; має два ступені розвитку: соціалізм і власне комунізм – безкласове суспільство, у якому здійснюється принцип: «від кожного – за його здібностями, кожному – за його потребами»* (СУМ 4: 254) – *політ. Суспільно-економічна формація, що ґрунтується на усуспільненні засобів виробництва* (ВТССУМ 2005: 562); ПРОЛЕТКУ́ЛЬТ *Скорочення: пролетарська культура (культурно-освітні організації 1917–1932 рр., які, маючи своїм завданням організувати рух мас за оволодіння новою, пролетарською культурою, проповідували хибні ідеї створення такої культури «лабораторним» шляхом)* (СУМ 7: 215) – *іст. Культурно-освітня і літературно-мистецька організація, що виникла напередодні Жовтневої революції* (ВТССУМ 2005: 1157), АНАРХІ́ЗМ *Ворожа марксизмові дрібнобуржуазна політична течія, яка заперечує будь-яку державну владу, організовану політичну боротьбу і виступає проти революційної диктатури пролетаріату* (СУМ 1: 54) – *Політична течія, яка заперечує будь-яку державну владу, організовану політичну боротьбу* (ВТССУМ 2005: 54).

2.2. Замена политически ориентированного компонента словарной дефиниции нейтральным в аспекте политической ориентированности компонентом (редко): АГІТА́ЦІЯ⁻² *Громадська й політична*

діяльність, робота серед **трудящих**, спрямована на роз'яснення політики якої-небудь партії чи організації (СУМ 1: 16) – *Громадська й політична діяльність, робота серед **загалу***, спрямована на роз'яснення політики якої-небудь партії чи організації (ВТССУМ 2005: 9). Вместо политически ангажированной советским дискурсом единицы «трудящиеся» использована нейтральная единицы «загал» («общественность»).

3. Утрата политически ориентированных значений в структуре словарной статьи. Так, в словарной статье ДИВЕРСИЯ, представленной в ВТССУМ, отсутствует дефиниция ЛСВ-3 соответствующей статьи СУМ: *перен. Підривна робота в галузі ідеології* (СУМ 2: 270). Кроме того, в словарных статьях ВТССУМ не представлены созданные в рамках советского политического дискурса на основании единиц, политическое содержание которых не зависит от конкретной политической позиции, устойчивые словосочетания, представленные в СУМ: *диктатура пролетаріату* (СУМ 2: 275), *соціалістична (пролетарська) революція* (СУМ 7: 475), *воєнний комунізм, науковий комунізм* (СУМ 4: 254) и др. Отметим, что последнее, возможно, отчасти определяется в том числе и спецификой словаря.

4. Появление особых помет, фиксирующих локализацию политически ангажированного значения. Наиболее частотно в этой функции в современном словаре украинского языка выступает помета **іст.**, фиксирующая его темпоральную локализацию. Но если в словарях современного русского языка соответствующие помете компоненты словарной статьи последовательно дополняются трансформацией словарной дефиниции, фиксируя иную политическую позицию (см., напр., вышеприведенную дефиницию лексемы БЕЛОГВАРДЕЙЩИНА в современном словаре русского языка), то в рассматриваемом словаре украинского языка указанная помета нередко становится единственной формой отражения результатов трансформации политического содержания исследуемых единиц. Так, при появлении пометы в остальном в «советском» и современном словарях украинского языка совпадают дефиниции лексем БІЛОГВАРДІЙЩИНА (*збірн., іст., зневажл. Білогвардійці, контрреволюціонери*) (СУМ 1: 183; ВТССУМ 2005: 81); БІЛИЙ (*Ворожий радянській владі; контрреволюційний; прот. червоний*) (СУМ 1: 181; ВТССУМ 2005: 80) и др.

Таким образом, предположение о том, что политическая позиция государства по отношению к советскому политическому режиму отражается в нормативных толковых словарях славянских языков, подтвердилось только частично. Словари славянских языков республик бывшего СССР, изданные в советское время, действительно очень активно ориентированы на отражение модусов советского

политического дискурса, что объясняется как единством политической позиции этих республик, так и спецификой лексикографической традиции. При этом современное изменение политической позиции и государственного статуса не привело к таким кардинальным изменениям принципов отражения советского политического модуса в исследованном словаре украинского языка, каких можно было ожидать. Во многих случаях в современных словарях русского языка дистанцированное представление исследуемого смысла проявлено даже более активно.

ЛИТЕРАТУРА

- Барт 2000 - *Барт Р.* Нулевая степень письма // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 50–96.
- БАС 1 - Словарь современного русского литературного языка: в 17 т./ Ин-т рус. яз. АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1950. Т. 1. 768 с.
- БАС 2 - Словарь современного русского литературного языка: в 17 т./ Ин-т рус. яз. АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1951. Т. 2. 1395 с.
- БАС 5 - Словарь современного русского литературного языка: в 17 т./ Ин-т рус. яз. АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1956. Т. 5. 1920 с.
- БАС 11 - Словарь современного русского литературного языка: в 17 т./ Ин-т рус. яз. АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1961. Т. 11. 1844 с.
- БАС 17 - Словарь современного русского литературного языка: в 17 т./ Ин-т рус. яз. АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1965. Т. 17. 2128 с.
- Богданов 2009 - *Богданов К.А.* Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 368 с.
- ВТССУМ 2005 - Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.). К.: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. 1728 с.
- Дейк ван 2013 - *Дейк Т.А. ван.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке коммуникаций. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
- Дубчинский 2013 - *Дубчинский В.В.* Лексикография украинского языка: прошлое и настоящее // Славянская лексикография. М.: Азбуковник, 2013. С. 251–309.
- Киселевский 1973 - *Киселевский А.И.* О структуре и характере описания языка в энциклопедиях // Романо-германская и славянская лексикография: сборник теоретических статей. Минск, 1973. С. 83.
- Кронгауз 1994 - *Кронгауз М.А.* Бессилие языка в эпоху зрелого социализма // Знак: сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике. М.: Рус. учеб. центр МС, 1994. С. 233–244.
- Купина 1995 - *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та; ЗУУНЦ, 1995. 144 с.

Романенко 2003 - Романенко А.П. Особенности организации семантики «советского языка» (культурологический аспект) // Русский язык сегодня. М., 2003. Вып. 2. С. 247–256.

РСС 2 - Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2000. Т. 2. 762 с.

РСС 3 - Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. Т. 3. 720 с.

Серио 1999 - Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 337–383.

СУМ 1 - Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства; За ред. І.К. Білодіда. Київ: Наукова думка, 1970. Т. 1. 801 с.

СУМ 2 - Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства; За ред. І.К. Білодіда. Київ: Наукова думка, 1971. Т. 2. 552 с.

СУМ 4 - Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства; За ред. І.К. Білодіда. Київ: Наукова думка, 1973. Т. 4. 840 с.

СУМ 7 - Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства; За ред. І.К. Білодіда. Київ: Наукова думка, 1976. Т. 7. 724 с.

СУМ 10 - Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства; За ред. І.К. Білодіда. Київ: Наукова думка, 1979. Т. 10. 659 с.

СУМ 11 - Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства; За ред. І.К. Білодіда. Киев: Наукова думка, 1980. Т. 11. 700 с.

Трипольская, Булыгина 2015 - Трипольская Т.А., Булыгина Е.Ю. Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (24). С. 28–40.

ТСБМ 1 - Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа; Пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы): у 5 т. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1977. Т. 1. 604 с.

ТСБМ 2 - Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа; Пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы): у 5 т. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1978. Т. 2. 768 с.

ТСБМ 4 - Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа; Пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы): у 5 т. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1980. Т. 4. 767 с.

ТСБМ 5 - Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа; Пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы): у 5 т. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1984. Т. 5, кн. 2. 608 с.

ТСЯИ 1998 - Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Скляревской; Рос. акад. наук, Ин-т лингвистических исследований. СПб., 1998. 700 с.

Тубалова 2014 - *Тубалова И.В.* Институциональные речевые модели в личностно-ориентированных дискурсах различного типа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 5 (31). С. 38–52.

Тубалова 2016 - *Тубалова И.В.* Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 370 с.

Шипицына, Геращенко 2010 - *Шипицына Г.М., Геращенко М.Б.* Отражение в толковых словарях динамики коннотативных значений слов русского языка // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 24 (95), вып. 8. С. 83–90.

Щербин 2013 - *Щербин В.К.* Белорусская лексикографическая традиция: история и современность // Славянская лексикография. М.: Азбуковник, 2013. С. 21–60.

REFERENCES

Barthes, R. (2000) *Nulevaya stepen' pis'ma* [Zero degree of writing]. In: Mazo, V. (ed.) *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Post-structuralism]. Translated from French. Moscow: IG Progress. pp. 50–96.

Shakhmatova, A.A. (ed.) (1950) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t.* [A Dictionary of Contemporary Russian Literary Language]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Nauka.

Shakhmatova, A.A. (ed.) (1950) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t.* [A Dictionary of Contemporary Russian Literary Language]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Nauka.

Shakhmatova, A.A. (ed.) (1956) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t.* [A Dictionary of Contemporary Russian Literary Language]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Nauka.

Shakhmatova, A.A. (ed.) (1961) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t.* [A Dictionary of Contemporary Russian Literary Language]. Vol. 11. Moscow; Leningrad: Nauka.

Shakhmatova, A.A. (ed.) (1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t.* [A Dictionary of Contemporary Russian Literary Language]. Vol. 17. Moscow; Leningrad: Nauka.

Bogdanov, K.A. (2009) *Vox populi: Fol'klornye zhanry sovetskoy kul'tury* [Vox populi: Folkloristic genres of the Soviet culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Busel, V. (ed.) (2005) *Velikiy tлумachniy slovník suchasnoï ukráíns'koï movi* [Great Explanatory Dictionary of Contemporary Ukrainian Language]. Kyiv: Irpin', Perun.

Dijk, T.A. (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke kommunikatsiy* [and power: representation of domination in communicative language]. Translated from English by E.A. Kozhemyakina, E.V. Pereverzeva, A.M. Amatova. Moscow: LIBROKOM.

Dubchinskiy, V.V. (2013) *Leksikografiya ukrainskogo yazyka: proshloe i nastoyashchee* [Lexicography of the Ukrainian: the past and the present]. In: Chernyshov, M.I. (ed.) *Slavyanskaya leksikografiya* [Slavonic Lexicography]. Moscow: Azbukovnik. pp. 251–309.

Krongauz, M.A. (1994) *Bessilie yazyka v epokhu zrelogo sotsializma* [Powerlessness of the language in the era of mature socialism]. In: Belikov, V.I. (ed.) *Znak: Sb. st. po lingvistike, semiotike i poetice* [Znak: Collection of articles on linguistics, semiotics and poetics]. Moscow: Rus. ucheb. tsentr MS. pp. 233–244.

Kupina, N.A. (1995) *Totalitarnyy yazyk: Slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian Language: Vocabulary and verbal reactions]. Ekaterinburg; Perm: Ural State University.

Romanenko, A.P. (2003) *Osobennosti organizatsii semantiki "sovetskogo yazyka" (kul'turologicheskiy aspekt)* [Management of semantics of "Soviet language" (cultural aspect)]. *Russkiy yazyk segodnya*. 2. pp. 247–256.

Shvedova, N.Yu. (ed.) (2000) *Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy: V 6 t.* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary systematised by classes of words and meanings. In 6 vols]. Vol. 2. Moscow: Azbukovnik.

Shvedova, N.Yu. (ed.) (2003) *Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy: V 6 t.* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary systematised by classes of words and meanings. In 6 vols]. Vol. 3. Moscow: Azbukovnik.

Serio, P. (1999) *Russkiy yazyk i sovetskiy politicheskiy diskurs: analiz nominalizatsiy* [Russian and the Soviet political discourse: analysis of nominalizing transformation]. Serio, P. (ed.) *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of discourse analysis]. Moscow: Progress. pp. 337–383.

Bilodid, I.K. (ed.) (1970) *Slovník ukraíns'koї movi: V 11 t.* [The Dictionary of the Ukrainian Language: In 11 vols]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

Bilodid, I.K. (ed.) (1971) *Slovník ukraíns'koї movi: V 11 t.* [The Dictionary of the Ukrainian Language: In 11 vols]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.

Bilodid, I.K. (ed.) (1973) *Slovník ukraíns'koї movi: V 11 t.* [The Dictionary of the Ukrainian Language: In 11 vols]. Vol. 4. Kyiv: Naukova dumka.

Bilodid, I.K. (ed.) (1976) *Slovník ukraíns'koї movi: V 11 t.* [The Dictionary of the Ukrainian Language: In 11 vols]. Vol. 7. Kyiv: Naukova dumka.

Bilodid, I.K. (ed.) (1979) *Slovník ukraíns'koї movi: V 11 t.* [The Dictionary of the Ukrainian Language: In 11 vols]. Vol. 10. Kyiv: Naukova dumka.

Bilodid, I.K. (ed.) (1980) *Slovník ukraíns'koj movy: V 11 t.* [The Dictionary of the Ukrainian Language: In 11 vols]. Vol. 11. Kyiv: Naukova dumka.

Triposl'skaya, T.A. & Bulygina, E.Yu. (2015) Ideological semantics as the object of lexicographically different-temporal dictionaries. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin.* 2 (24), pp. 28–40. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1502.02

Atrakhovich, K.K. (ed.) (1977) *Tlumachal'ny slounik belaruskay movy* [Explanatory Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 1. Minsk: Belaruskaya Savetskaya Entsylapedyya.

Atrakhovich, K.K. (ed.) (1978) *Tlumachal'ny slounik belaruskay movy* [Explanatory Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 2. Minsk: Belaruskaya Savetskaya Entsylapedyya.

Atrakhovich, K.K. (ed.) (1980) *Tlumachal'ny slounik belaruskay movy* [Explanatory Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 4. Minsk: Belaruskaya Savetskaya Entsylapedyya.

Atrakhovich, K.K. (ed.) (1984) *Tlumachal'ny slounik belaruskay movy* [Explanatory Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 5. Minsk: Belaruskaya Savetskaya Entsylapedyya.

Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (1998) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmeneniya* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Late 20th Century. Linguistic change]. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences.

Tubalova, I.V. (2014) Institutional speech patterns in person-oriented discourses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 5(31), pp. 38–52.

Tubalova, I.V. (2016) *Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]. Tomsk: Tomsk State University.

Shipitsyna, G.M. & Gerashchenko, M.B. (2010) Otrazhenie v tolkovykh slovaryakh dinamiki konnotativnykh znacheniy slov russkogo yazyka [The reflection of connotative meaning of Russian words in explanatory dictionaries]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki.* 24(8), pp. 83–90.

Shcherbin, V.K. (2013) Belorusskaya leksikograficheskaya traditsiya: istoriya i sovremennost' [Belarusian lexicographic tradition: history and modernity]. In: Chernyshov, M.I. (ed.) *Slavyanskaya leksikografiya* [Slavonic Lexicography]. Moscow: Azbukovnik. pp. 21–60.

Тубалова Инна Витальевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Tubalova Inna - Tomsk State University (Russia).

E-mail: tina09@inbox.ru

Молчанова Полина Анатольевна – магистрант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Molchanova Polina - Tomsk State University (Russia).

E-mail: poph.sun@gmail.com

Наземцева Мария Андреевна – магистрант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Nazemtzeva Maria - Tomsk State University (Russia).

E-mail: mnazemtseva@gmail.com